

Александра Салиева

ЦВЕТ ГРЕХА.
ЧЁРНЫЙ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С16

Салиева, А.

С16 Цвет греха. Чёрный / А. Салиева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 484 с. — (Грешные).

ISBN 978-5-521-92027-3

Я совершила опрометчивый проступок. Меня спас бывший муж моей матери. Теперь он — мой новый опекун, тот, кто распоряжается моей судьбой. И тот, кто приковал меня наручника-ми к своей кровати в первую же ночь...

...но это совсем не то, о чём вы наверняка подумали!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92027-3

© Салиева А., 2023
© Сухарева К., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1

АСИЯ

— Мы тебя слушаем, девочка, — хмуро произносит директор и поправляет очки на переносице. — Рассказывай. Что случилось? — окидывает меня внимательным взглядом и изображает готовность слушать, чуть откинувшись в своём высоком кожаном кресле.

Но это он, прочие присутствующие совершенно иного мнения.

— Да что она может такого рассказать? — возмущается стоящая напротив госпожа Дикмен. — Ни одно сказанное слово не может оправдать причинённый моему Каану вред! Мой бедный мальчик попал в больницу! У него сломан нос! И кто знает, какие ещё травмы! А скоро выпускные экзамены, между прочим! Если он теперь не сможет вовремя подготовиться? Как он поступит в университет? — машет руками в разные стороны, источая праведное негодование. — И всё из-за этой вашей хулиганки!

Я на секундочку ей даже верю. Но потом вспоминаю, что упомянутый «бедный мальчик» — это больше семидесяти пяти дюймов¹ живой дури и ходячего хамства, он же драгоценный избалованный ею сыночек, который и со здоровым носом ни к каким экзаменам никогда не готовится, поэтому моя начавшая было просыпаться совесть тут же засыпает снова. Сцепляю пальцы в замок. Отворачиваюсь. Смотрю исключительно в окно. Если я что-то и усвоила за все последние годы, так это то, что в элитной школе «Бахчешехир» стукачам и нытикам нет места.

Не то потом ещё дороже обойдётся...

Там, в отражении стекла, я сама. Бледная, с расчёпанными тёмными волосами, взъерошенная и помятая, как самая настоящая ворона. Одежда тоже оставляет желать лучшего. Красный галстук съехал набекрень. Рубашка лишилась нескольких пуговиц, и теперь вырез в районе декольте выглядит чрезмерно откровенно. На воротничке заметны несколько пятен чужой крови. Чулки порваны. Босиком. Не помню, в какой именно момент я лишилась обуви. Тогда это совершенно не казалось важным.

А теперь...

— В одном моя жена права, — подхватывает пылкую речь женщины сидящий поблизости от неё господин Дикмен. — Оправдания ни к чему. Пусть каждый сам несёт свою ношу. И платит по счетам. Каан поправится, — почти радуется меня монотонностью и адекватностью своей речи. — Но... — замолкает, вперив в меня брезгливый взгляд, полный отвращения, а продолжает через короткую паузу с отчётливыми мстительными нотами: — Мы подадим заявление. Пусть полиция разбирается.

---

¹ Свыше семидесяти пяти дюймов — от 190 сантиметров.

Смотрит на меня. Но точно не ко мне обращается. Недаром наш статный, обычно хранящий невозмутимость в любой ситуации директор едва заметно, но всё же напрягается.

— Зачем подавать заявление? — неодобрительно прищуривается он. — Мы и сами можем во всём разобраться, — убеждает директор господина Дикмена.

Тот явно не согласен. Или же, что вероятнее, набивает цену повыше. Всё-таки Каан Дикмен, он же единственный наследник их громадного состояния, — персона, обожаемая большинством, соответственно, видная, ценная, не чета мне — той, кто учится здесь из милости, является никем и ничем для них в этом мире. Уверена, если бы по итогу сегодняшнего утра медики увезли не Каана, а меня, будь то больница или даже морг, то вообще никто не вспомнил бы и не хватился. Разве что уборщик. Ненадолго. Только пока ругался бы и клял меня по чьём свет, замыывая и вычищая на полу следы произошедшей стычки да убирая устроенный попутно бардак.

— В самом деле? — оглядывает меня с ног до головы и обратно всё с той же брезгливостью отец моего одноклассника и тут же забывает о моём существовании. — Со всем уважением к вам, господин Кайя, но мой лимит доверия, к сожалению, исчерпан, — разворачивается к директору. — Ещё тогда, когда вы добились того, чтобы наши дети вынужденно учились рядом с... — машет в мою сторону рукой, так и не глядя, — такими, как она, — опять кривится, — мы были категорически против. Но нас никто не послушал. Не воспринял всерьёз. А теперь мы все оказались в такой гнусной и компрометирующей, в том числе репутацию самой школы «Бахчешехир», ситуации.

Не в первый раз притом. Вот где её родители? Почему их до сих пор тут нет?

Настаёт моя очередь невольно кривиться. Хотя я очень стараюсь максимально держать лицо. Если продолжать смотреть в окно, почти не так уж и сложно. Не выдавать себя. Вообще не думать. Например, о матери. И о том, что она умерла. Почти год назад. От передозировки героином. Других родственников у меня вообще не было никогда, только она — та, кто с младенчества выросла в детском доме. Хотя и её присутствие в моей жизни слишком призрачное, чтобы называться таковым. Джевре Эмирхан куда больше собственной дочери обычно волновало то, где и как скоро возможно раздобыть новую дозу, а затем то, как потом за неё расплатиться. Я привыкла существовать сама по себе, заботиться обо всём самостоятельно, в меру своих сил и возможностей. И нарочно всё это время скрывала ото всех тот факт, что стала круглой сиротой. Не хотела, чтобы опека вмешивалась. До совершеннолетия мне оставалось совсем немного. И всё бы непременно получилось. Всё-таки я прикладываю немало труда и терпения в своей жизни, чтобы не повторять судьбу матери. Если бы не сегодняшний день и противный Каан Дикмен, будь он проклят вместе со всеми своими шестёрками.

— Я вас очень прошу, давайте проявим ещё немного понимания. Всё-таки девочка, — косится в мою сторону директор, — не только стипендиатка, но и обладательница высшего балла в нашей школе, а это, сами знаете, даётся очень нелегко, — напоминает, будто это в самом деле имеет какое-либо значение и вес для остальных. — Поверьте, наша канцелярия делает всё возможное, чтобы в самое ближайшее

врем... — принимается в довершение оправдываться на все озвученные возмущения.

Я же мысленно благодарю Всевышнего.

Неужели обойдётся?

Судя по тому, что я слышу, директор, как и я, не в восторге от идеи вызывать мою мать-наркоманку. Оттягивает момент до последнего. Они встречались лишь однажды. Встреча, разумеется, получилась не из лучших.

И я впервые в жизни рада такому её поведению!

Жаль, моя вспыхнувшая радость оказывается недолгой.

— Что значит, в самое ближайшее время?! — перебивает госпожа Дикмен, подскакивая на ноги. — Я требую этого прямо сейчас!

Последнее она фактически выплёвывает, даром, ненастоящим ядом. В мою сторону. Но и этого ей мало. Тут же хватается за телефон и принимается истерично тыкать в экран своими наманикюренными заострёнными ноготками. Очевидно, и впрямь полицию вызывать собирается.

О том и сообщает:

— А знаете, с меня хватит! Ничего и никого я ждать не буду!

Вот же...

Чёрт!

Хотя, если в данную секунду мне кажется, что всё становится очень-очень плохо, то вскоре я понимаю, насколько же ошибаюсь. Ведь дальше начинается реально суший кошмар.

— Госпожа Дикмен, я настоятельно вам советую не принимать скоропалительных решений, — моментально реагирует на женский порыв директор.

— А я настоятельно прошу вас, господин Кайя, больше не вмешиваться! — огрызается её муж.

— Господин Дикмен, если ваша жена вызовет полицию, то пострадает не только репутация школы, но и ваше реноме тоже, — переключается на открытый шантаж директор. — В конце концов, сомневаюсь, что в баскетбольной лиге будет долго сохраняться место для того, кого побила девчонка!

Эх, если бы это спасло.

Наоборот!

Теперь оба родителя Каана взбесились.

— Девчонка?! — округляет глаза госпожа Дикмен. — Да вы посмотрите на неё! — тыкает в меня пальцем. — Она и на девчонку-то не похожа совсем! Скорее на бессовестную распутницу! И это не нам! — снова плюётся вместе со словами. — Это вам, господин Кайя, должно быть стыдно! За то, что вы плодите в стенах этого достойнейшего заведения таких бесстыжих и недостойных, как она! Сперва набросилась на моего сына, а теперь просто сидит и делает вид, что её тут нет! В таком-то виде! Никакого раскаяния! Нет, я полностью согласна с мужем, однозначно, пусть полиция разбирается во всём! — заявляет категорично и тут же переключается на меня. — А ты?! Ты маньячка, что ли? Или у тебя проблемы с самоконтролем? Проблемы с агрессией? А может, замуж за моего сына захотела?! Наворотила дел, потом изобразишь из себя жертву, выложишь парочку-другую блогов в этих своих социальных сетях, а ему потом и деваться некуда будет?! А?! Так, да?! Говори, бесстыжая! Как ты могла такое сделать? Это тебе не жвачку украсть в супермаркете! — выдаёт надменно и до того громко, что у меня уши начинает банально закладывать. — Учти! Тебя будут судить по всей стро-

